

ВЫХОДЯТ СЛОВАРИ...*

Подготовка справочных изданий, одним из наиболее распространенных видов которых по праву считаются биографические и библиографические словари, является важным направлением научно-исследовательской работы, требующей недюжинной разносторонней эрудиции, способности к умелому отбору фактов, тщательной скрупулезности в выверке материала и многого другого. В последнее время в нашей стране опубликовано несколько словарей такого рода, причем некоторые из них уже выдержали по два издания¹. Немало ценных библиографических словарей издано и за рубежом². Таким образом, можно утверждать, что отечественная и мировая библиография уже имеет опыт, которым должен руководствоваться каждый исследователь-профессионал, берущийся за аналогичную работу.

С этих позиций можно утверждать, что А.А. Хисамутдинову повезло: он мог пользоваться положительными наработками своих предшественников. Для этого только надо вдумчиво, тщательно ознакомиться с ними, освоить их опыт, потом выработать принципы в соответствии со спецификой издания, чтобы пойти дальше и сделать свою работу во всяком случае не хуже.

О выходе словаря А.А. Хисамутдинова я узнал в сентябре 2000 г. во Владивостоке, где принимал участие в симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований», и с большой радостью приобрел его. Тема российской эмиграции, прежде всего научной, уже несколько лет всерьез занимает меня, ей я посвятил 20 работ, накопил большую картотеку, составил обширную библиографию по этой теме, осваивая фонды различных архивов, по понятным причинам в первую очередь — петербургских. Поэтому библиографический словарь о российской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе для меня — событие, которое, как мне казалось, поможет в моей работе. Можно, естественно, только приветствовать появление специального труда, в котором был бы обобщен накопленный автором материал по определенной схеме. Это так необходимо каждому исследователю-специалисту по региону или по проблеме эмиграции. Правда, меня сразу смутило, что в названии словаря помимо Азиатско-Тихоокеанского региона присутствовала Южная Америка. Почему именно только Южная Америка? Почему тогда уже не вся Америка? Вообще же всякое расширение Азиатско-Тихоокеанского региона мне казалось нежелательным и даже некорректным: ведь таким образом размывались принципы выделения регионов для изучения. Еще до начала ознакомления со словарем я для себя нашел такое объяснение этому названию: очевидно, у автора не хватало материала по Азиатско-Тихоокеанскому региону, и он решил добавить материал по Южной Америке; включение же другого — это уже был бы большой перебор. Получив словарь, я начал внимательно с ним знакомиться, и чем больше я знакомился со словарем, тем быстрее исчезал мой априорный восторг.

На с. 3—4 автор сообщил, что его желанием было «составить библиографический словарь, в который вошли бы все сведения **обо всех русских эмигрантах в странах Азии, которые хоть как-то проявили себя на чужбине в областях науки, политики, культуры и искусства**» (выделено мною. — А.Р.). Такое заявление еще больше насторожило: в странах Азии — всей Азии? Обо всех русских эмигрантах? Конечно же, каждый из них наверняка в той или иной мере как-то проявил себя — и что же? Всех в словарь?

Представляется элементарным и общеизвестным, что одним из начальных этапов составления любого словаря является подготовка словника. Вот тут-то начинаешь понимать, что А.А. Хисамутдинов высокомерно пренебрег накопленными достижениями в составлении библиографических словарей, если он вообще потрудился позна-

* Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. Владивосток, 2000.: Изд-во Дальневост. гос. ун-та. 359 с. ил.

комиться с ними (имею в виду прежде всего принципы составления словарей). Он пошел своим путем, но выбор его как ни печально, нельзя признать удачным.

Итак, словарь посвящен российской эмиграции Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Америки. Значит, в нем сконцентрированы сведения об эмигрантах, волею судьбы, зачастую трагической, оказавшихся вдали от родины. Но почему же в таком случае мы находим здесь имена людей, вообще не имевших никакого отношения к эмиграции? Так, на с. 232 есть статья об Арии Моисеевиче Пазовском. Каждому культурному человеку, знакомому с музыкальным искусством страны, хорошо известно имя выдающегося дирижера (а не просто музыканта, как сказано в словаре), народного артиста СССР, художественного руководителя и главного дирижера Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова и Большого театра Союза ССР трижды лауреата Сталинской премии А.М. Пазовского. Сведения о нем есть в любом энциклопедическом справочнике, там указаны и годы его жизни (1887 — 1953)³. И если бы А.А. Хисамутдинов посмотрел такой справочник, он не поставил бы вместо года смерти знак вопроса. А если бы он обратился к биографии А.М. Пазовского, то узнал бы, что тот по приглашению советской администрации КВЖД действительно был приглашен на короткое время возглавить в Харбине открытый там оперный театр⁴. Но А.М. Пазовский прибыл туда и убыл оттуда как советский гражданин, он категорически не был эмигрантом. Кстати, в 1927 — 1929 гг. пел в Харбине в созданном советской администрацией КВЖД оперном театре молодой Сергей Яковлевич Лемешев⁵. Но об этом не знал (и слава Богу!) А. Хисамутдинов — иначе бы он из С.Я. Лемешева также сделал эмигранта. Мартемьян Никитович Рютин (с. 262) — до революции служил прапорщиком в охранной страже КВЖД. После революции вся его деятельность протекала в России. Почему он оказался в словаре?

Такой же вопрос следует задать относительно Владимира Николаевича Рогова (с. 257). Он действительно жил и работал в разных городах Китая, являясь корреспондентом ТАСС. С его именем связано издание в Шанхае на русском и китайском языках журнала «Эпоха», вокруг которого группировались китайцы — любители русского языка, занимавшиеся переводческой деятельностью. К сожалению, В.Н. Рогов недавно скончался в Москве. Еще раз подчеркну: он не был эмигрантом и в словаре оказался по недоразумению.

В словаре есть довольно большой блок статей, состоящих только из фамилии, инициалов автора и названий изданных в Харбине или Шанхае книг. Не буду спорить: наверно, среди таких авторов есть и те, кто жил в Китае как эмигрант. Но вот на с. 192 читаем: «Мавродин В. Соч.: Петр Первый. Харбин, Междунар. Кн., 1946. 36 с.» Общеизвестно, что в годы Великой Отечественной войны советские историки выполнили определенный заказ, написав книги о выдающихся полководцах — патриотах земли русской: Александре Невском, Дмитрии Донском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове... Один из крупнейших советских историков — ленинградец Владимир Васильевич Мавродин написал книгу о Петре Первом. Она многократно переиздавалась, в том числе патриотически настроенной эмиграцией. Но что дало право А.А. Хисамутдинову зачислить В.В. Мавродина, никогда не бывавшего в Китае, в эмигранты? Непонятно. Уже в советское время по линии Народного Комиссариата иностранных дел в Китае работал советский профессор Михаил Яковлевич Пергамент, в Харбине в 1926 г. издал работу — попал в словарь (с. 235).

Писатель Аркадий Тимофеевич Аверченко (... во время гражданской войны его рассказы печатались во владивостокских и шанхайских газетах, затем вышли отдельной книгой» (с. 23). Этого оказалось достаточно, чтобы статья о нем нашла место в словаре, хотя А.Т. Аверченко не был на Востоке. Знаменитый поэт Саша Черный: «Жил в Европе. Его произведения часто печатались в эмигрантских изданиях Китая» (с. 333). Конечно, это был популярный поэт, но причем здесь Азиатско-Тихоокеанский регион? Но не только А.Т. Аверченко и А.М. Гликберг (Черный), живя в Европе, печатались в Китае и за то были включены в словарь, таков еще и Александр Александрович Гефтер (с. 87) и многие другие. Известный поэт Константин Дмитриевич Бальмонт после революции действительно оказался в эмиграции и жил в Париже. Еще не будучи эмигрантом, в 1916 г. он побывал в Японии. Событию пребывания поэта на Востоке А.А. Хисамутдинов посвятил одно из своих исследований «Как у Бальмонта украли стихотворение». Вообще нехорошо у поэтов красть стихи, но почему в словаре

на с. 46—47 есть статья о Бальмонте: ведь в 1916 г. он вообще еще не был эмигрантом. А вот гениальный русский певец Федор Иванович Шаляпин был действительно настоящим эмигрантом, но на Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе не жил никогда, он приезжал на кратковременные гастроли, за что попал в словарь и удостоился довольно большого сообщения (с. 336—337). Да что Ф.И. Шаляпин! В словаре оказался и его аккомпаниатор в турне по странам Дальнего Востока Георгий Ф. Годзинский, живший в Финляндии (с. 91).

В словаре помещены две довольно большие статьи о Николае Константиновиче Рерихе и его сыне Юрии Николаевиче Рерихе, которые в 1934 г. кратковременно побывали в Маньчжурии. Слов нет, об этих ученых написать энциклопедическую статью общего характера совсем нетрудно, а вот о Владимире Константиновиче Рерихе статья более чем скромная: «Агроном в Харбине. Брат Н.К. Рериха». Не указаны и даты жизни (с. 256). Кстати, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга из личного дела студента В.К. Рериха вполне можно было бы узнать точную дату рождения — 1882 г. В Китае он оказался сразу после революции в России, прожил там вплоть до своей кончины в начале 50-х годов, был дружен с Н.Л. Гондати. О В.К. Рерихе можно прочесть в книге Н. Дубининой⁶. И тогда статья о брате Н.К. Рериха, прожившем в эмиграции в Харбине более 30 лет, могла бы сообщить заинтересованному читателю достаточно полезные сведения.

Если помещать в словарь такие статьи, как о Н.К. и Ю.Н. Рерихах, то мне известны заслуживающие большего внимания примеры. Отец и сын Рерихи, вне всякого сомнения, являются выдающимися учеными, но их влияние на жизнь харбинской общины было кратковременным и незначительным. Другое дело, например, Сергей Григорьевич Елисеев (1899 — 1975) — один из крупнейших японистов мира, оказавший большое влияние на развитие японоведения во многих странах. Это первый иностранец, получивший в Японии высшее образование; в 1912 г. он закончил успешно Токийский университет. 13 июня 1911 г. в письме к акад. С.Ф. Ольденбургу он писал: «С этого года в Токийском университете ввели вновь на филологическом факультете обязательные экзамены, и мне пришлось все экзамены сдавать на японском языке. Было всего шесть письменных экзаменов, и на всех экзаменах я писал иероглифами. Что касается разговорного японского языка, то я им вполне овладел и совершенно свободно читаю современные беллетристические произведения... В будущем году собираюсь кончить университет; для окончания нужно представить зачетную работу и затем сдать еще несколько экзаменов, между прочим китайский язык»⁷. Вернувшись на родину, С.Г. Елисеев работал в Петербургском-Петроградском университете, а в эмиграции жил и работал во Франции и США, часто бывал в Японии. В 1973 г. за выдающиеся достижения в японоведении был удостоен годичной премии Японского фонда. Не стану утверждать, что статья о С.Г. Елисееве обязательно должна быть в словаре, но ведь все познается в сравнении... И это далеко не единственный случай, когда в словаре не оказалось имен действительно заслуживающих того, достойных людей.

На с. 163 есть статья об Александре Васильевиче Колчаке. При всем уважении к научным подвигам и человеческим качествам этой незаурядной трагической личности у автора мало оснований («находился в командировках в Китае и Японии») для помещения статьи о нем в словарь. Это подтверждает и вся приведенная библиография: она никоим образом не освещает деятельность А.В. Колчака на зарубежном Востоке.

Основываясь на материалах архива Сибирской флотилии, с которыми, надо думать, работал А.А. Хисамутдинов, он включил в словарь статью о Борисе Александровиче Крюкове. Вот ее текст: «Офицер. Участник гражданской войны. Служил в Сибирской флотилии. В последние годы жил в США» (с. 174). В статье нет ни слова о его пребывании в Китае или Японии, и не могло быть, ибо Б.А. Крюков эмигрировал в США сразу и прожил там долгую жизнь: закончил университет, стал известным ботаником. О нем в Америке опубликована подробная работа⁸. Мне довелось познакомиться с его биографией, поскольку он является родным братом ленинградского этнографа Татьяны Александровны Крюковой, которой я недавно посвятил специальную статью.

Виктор Александрович Яхонтов оказался в словаре о российской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе только потому, что «жил в США, приезжал в Китай» (с. 359). А.А. Хисамутдинов после знакомства с материалами о жизни Оссендовского Антония Фердинанда (Антон Марковича) проявил живой интерес к этой личности и

в газете «Красное знамя» за 7 января 1993 г. поместил о нем статью под интригующим по-журналистски названием «Кто Вы, господин Оссендовский?» (помните, конечно, «Кто вы, доктор Зорге?»). И дабы статья не оказалась забытой, автор решил продублировать ее основные положения, поместив резюме в словаре. Но каждый, кто непредвзято прочтает ее, окажется в недоумении: что же все-таки побудило А.А. Хисамутдинова включить этот материал в тематический словарь. Совершенно очевидно, что к эмиграции на Востоке данная интересная личность не имеет никакого отношения. Справедливости ради замечу, что может быть в течение двух-трех месяцев Оссендовский с бароном Унгерн-Штернбергом побывал в Монголии на пути в Польшу (с. 229). Попутно скажу, что эта статья вопреки алфавиту помещена не на с. 230, где ее место, а почему-то на с. 229. О самом же Романе Федоровиче Унгерн-Штернберге (с. 313) и о Монголии нет упоминания. Из списка литературы о нем можно только узнать, что его допрашивали в Урге в 1921 г. Кстати, 15 сентября 1921 г. он был уже расстрелян в Новониколаевске (с. 1925 г. — Новосибирск).

Когда внимательно знакомишься со статьями словаря А.А. Хисамутдинова, постоянно не покидает мысль, что автор в первую очередь озадачен наполнением книги как можно большим количеством фамилий самых разных людей, независимо от того, что, сколько и в течение какого времени эти люди делали в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вот некто Ионов (с. 141), о котором автор знает крайне мало. Ему даже неизвестны его имя или отчество или просто инициалы, даты его жизни. Все, чем располагает А.А. Хисамутдинов, это сведения о его доэмигрантской службе в Семиреченском казачьем войске. А дальше Ионов «через Китай эмигрировал в Новую Зеландию». Ни слова о деятельности в эмиграции этого транзитного пассажира. Константин Владимирович Долбежев, «сын В.В. Долбежева. Жил под Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище (с. 111)». Можно предполагать, судя по датам его жизни (1906—1997), что он какую-то ее часть прожил вместе с отцом в Китае, был знаком со многими эмигрантами, о долгой своей жизни оставил воспоминания. Но все-таки, что он делал как эмигрант в Азиатско-Тихоокеанском регионе? Надо же помнить о тематике словаря, поддерживать его специфику. Вне всякого сомнения, уважаемый человек Иннокентий Павлович Толмачев, ему посвящена вполне приличная статья (с. 306), из которой мы узнаем, что он «через Лондон прибыл в Харбин, откуда приглашен на должность вице-директора Геолкома Дальнего Востока (весна, 1920). Оправдывает ли этот пассаж появление статьи об И.П. Толмачеве в словаре? Ведь, напомним, сам А.А. Хисамутдинов определил, что он будет помещать в словарь «сведения обо всех русских эмигрантах в странах Азии, которые хоть как-то проявили себя на чужбине» (с. 3—4), кто «сыграл большую роль в культурно-политической жизни российской эмиграции» (с. 6). Только ни И.П. Толмачев, ни знаменитый шахматист А.А. Алехин, давший в январе 1933 г. в Шанхае сеанс одновременной игры (с. 28) не могли оказать заметного влияния на научную или спортивную жизнь русской общины, а тем более Китая.

Если же был установлен факт такого воздействия, как считает автор в отношении Анатолия Андреевича Вонсяцкого (с. 6), то его нужно раскрывать в понятной читателям форме. Из статьи об А.А. Вонсяцком (с. 81) можно узнать о его деятельности в США и, ознакомившись со списком литературы, сделать предположение о его связях с российскими фашистами в Китае. Да и в этом случае я не уверен, что появление статьи о нем в словаре было бы оправданным. Достаточно было упомянуть о таких связях, например, в статье о лидере российских фашистов в Китае К.В. Родзаевском, но как раз в этой статье А.А. Вонсяцкий ни разу не упомянут. Кстати, замечу, что влиянию отдельных ярких личностей российской эмиграции на жизнь эмигрантской общины в словаре не уделено внимания. Достаточно, например, прочитать статьи об Эдуарде Эдуардовиче Анерте (с. 31), Александре Николаевиче Вертинском (с. 71), Николае Львовиче Гондатти (с. 93—94), чтобы убедиться в этом. В погоне же за как можно большим числом статей автор включает в словарь все новые и новые имена, не заботясь о раскрытии вклада этих людей в жизнь русской общины или приютившей их страны.

Вот образец такого сообщения на с. 200: «Мацневский Г.Е. (?-?) — генерал-лейтенант. Жил в Харбине (?). Таким образом, может быть, генерала Мацневского не было в Харбине и вообще в Китае? На той же странице помещена информация о Николае Петровиче Мацокине, в которой, между прочим, сказано: «Сотрудник гене-

рального консульства СССР в Харбине. Переведен в Москву». Неужели А.А. Хисамутдинов думает, что эмигрант Н.П. Мацокин мог быть сотрудником генерального консульства СССР и в таком состоянии был переведен на работу в Москву? Совершенно ясно, что Н.П. Мацокин не был эмигрантом, а являлся советским гражданином. Какое отношение к эмиграции не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а вообще как к таковой имеют «Толстой, Сергей С. (?-?) — офицер. Участник гражданской войны в Приморье» и «Толстов В.С. (?-?) — полковник (с. 307).

Небрежная манера, в которой работает А.А. Хисамутдинов, превышает все мыслимые и немыслимые нормы. Читаю на с. 179: «Лаврушин Николай Ильич (25.III.1874., Киренск-на Лене — 12.I.1946., Аньда, КВЖД — жил в Маньчжурии. Прах перезахоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско. Ист. и лит.: Собр. А.А. Хисамутдинова. Справка О. Вакіш». Не буду обращаться с вопросами к А.А. Хисамутдинову. Не знаю, какую справку дала ему О.М. Бакич. Я хочу спросить читателя — вам понятно, кто такой был Н.И. Лаврушин, какова его специальность, чем он занимался? Мне непонятно совершенно. Я только узнал, что он жил и перезахоронен. На с. 262 статья об Антоне Ивановиче Рыбалко. «Востоковед, лингвист и переводчик с китайского. Окончил Пекинский институт восточных языков. Похоронен на Новом кладбище». Источники — те же. Статья написана так, словно бедного А.И. Рыбалко сразу после окончания института снесли на кладбище. А ведь он наверняка еще и трудился...

В статье о Валентине Александровиче Рязановском (с. 263) и его научных трудах сказано кратко и выразительно по-хисамутдиновски: «Автор критических статей». Это о крупнейшем ученом-правоведе российской эмиграции, авторе целого ряда монографий, названия которых, как это ни парадоксально, известны автору словаря. Хочется сравнить эту статью со статьей о В.А. Рязановском в издании Томского университета!⁹ Сравнение будет не в пользу А.А. Хисамутдинова. А ведь мы все должны учиться друг у друга: для этого издается научная литература.

На с. 209 помещено: «Миштовт, Анатолий Викентьевич (?-?) — механик. Жил в Харбине и в Шанхае. Соч.: Коммунистическая Европа. Шанхай: Союз писателей. (около 1934) — 228 с.: порт.». Странно. Если А.В. Миштовт был только механиком, то, с моей точки зрения, о нем не стоило писать: ведь невозможно учесть всех механиков Харбина и Шанхая, да еще Пекина и Тяньцзиня. Тогда, наверное, надо было бы делать словарь механиков. Но обращает на себя внимание факт публикации этим механиком сочинения под названием «Коммунистическая Европа». Здесь для А.А. Хисамутдинова представляется полная возможность проявить себя как исследователя: не каждый механик пишет труд в 228 страниц, и этот труд издается в Шанхае Союзом писателей. Но составитель словаря пренебрег и такой возможностью, в результате чего статья просто не получилась.

Отдельный блок разбросанных по словарю статей представляет краткие справки о деятельности бывших российских дипломатов, работавших до революции на Востоке. В большинстве судьба их в послереволюционные годы неизвестна. Вот образцы: «Бродянский, Лев Григорьевич (?-?) — дипломат. Студент в Пекине (1900 — 1901). Секретарь и драгоман в российском консульстве в Ханькоу (1903 — 1904) и Шанхае (1906 — 1909). Вице-консул в Корее в Чемульпо (1910) и в Сеуле (1911). Генеральный консул в Кульдже (1913 — 1917). Коллежский советник, награжден орденом святой Анны 3-й степени» (с. 61). «Миллер, Александр Яковлевич (?-?) — дипломат. Российский генеральный консул в Урге (1915 — 1917)» (с. 205). «Федоров Николай Дмитриевич (?-?) — дипломат, консульский агент в Японии в Цуруге (1913 — 1921). Коллежский ассессор, награжден орденом святого Станислава 3-й степени» (с. 318), «Щекин, Михаил Сергеевич (?-?) — дипломат, 1-й секретарь в Российском посольстве в Пекине (1910 — 1912) и советник в Токио (окт. 1912 — 1917)» (с. 347). Как представляется, эти сведения о российских консулах позаимствованы А.А. Хисамутдиновым из известного специалистам словаря американского востоковеда, ныне уже покойного Г. Ленсена¹⁰, и в этом нет ничего плохого. Плохо только, что он сам к этому ничего не добавил как исследователь. Так, в архиве в Санкт-Петербурге хранится личное дело студента А.Я. Миллера, и оттуда можно было бы узнать дату его рождения. А.Я. Миллер до перевода в Восточную Азию служил в Передней Азии. Можно было бы при желании найти сведения о его дальнейшей судьбе.

В словаре нет имени и Нины Михайловны Максимовой (в замужестве Кристенсен). Она родилась в Санкт-Петербурге в 1911 г. После революции и гражданской войны ее семья оказалась в Харбине, откуда в 1925 г. переселилась в Австралию, обосновавшись в г. Брисбене. После окончания Кливлендского университета она вместе с мужем переехала в г. Мельбурн и стала преподавать в местном университете, где создала русское отделение. Максимова — основатель ассоциации австралийских и новозеландских славистов. Ее громадной заслугой является создание серии «Russians in Australia».

В словарь включены фамилии россиян, родившихся в Китае и после второй мировой войны, особенно после победы народной революции в этой стране возвратившихся на свою историческую родину, где они получили образование, стали кандидатами и докторами наук. Это, пожалуй, справедливо, и читатель с интересом ознакомится с биографическими справками о Ксении Борисовне Кепинг (с. 152, где ее фамилия неправильно написана с двумя «п»), Николае Григорьевиче Малявкине (с. 195), Владимире Сергеевиче Старикове (с. 292—293), Леониде Иоахимовиче Чугуевском (с. 336), и др. Но опять-таки почему нет тогда фамилии многих других ученых?

В словаре, к сожалению, нет статей о лицах, упомянутых в статьях, помещенных в этом же издании, и таким образом читатель остается в полном неведении о них. Есть ли тогда смысл давать такие сведения? Это вопрос к автору словаря, и он должен был решить его, приступая к составлению своего труда. На с. 89 в статье о Владимире Анатольевиче Гинтере сообщается, что он «сын капитана 1-го ранга А.А. Гинтера». Статьи же об А.А. Гинтере нет. Из статьи о Д.Л. Хорвате (с. 327) читатель узнает, что к генералу приезжал из Пекина художник В.А. Михайлов. Значит, он был эмигрантом. Интересно было бы познакомиться с биографическими сведениями о нем, но увы... Оказывается у генерала А.А. Сукина (с. 297) был брат, тоже Сукин, министр иностранных дел в правительстве А.В. Колчака. Больше о знаменитом брате мы ничего не узнаем. А сообщенные о нем сведения, с моей точки зрения, ничего не добавили к характеристике генерала А.А. Сукина. Обращает на себя внимание статья о Татьяне Семеновне Филимоновой (с. 320). Не буду говорить о неудачной структуре этой справки. Оказывается, она жена Б.Б. Филимонова (о нем есть статья) и мать сына Ярослава (1935 г. рождения). Других сведений о сыне в словаре нет. Почему он удостоился чести быть названным в этом авторитетном издании? Он стал знаменитостью? Или просто один ребенок в семье? А у других женщин, упомянутых в словаре, детей не было? Скорее всего, в материале, которым пользовался А.А. Хисамутдинов при написании статьи о Т.С. Филимоновой, был упомянут и сынок Ярослав, что и обеспечило ему попадание в словарь. Однако попутно отмечу, что при упоминании в отдельных статьях лиц, состоявших в родственных связях, желательно было бы отмечать их наличие. Например, на с. 217 помещены статьи об Алле Германовне и Германе Германовиче Недлерах. Можно предполагать, что они состоят в родственных связях, но каких, определить невозможно. На с. 231 имеются статьи о Василии Васильевиче и Петре Васильевиче Павло; может быть, это родные братья, а может быть и однофамильцы с одинаковыми отчествами. Справедливости ради отмечу, что иногда автор не забывает сообщить о родственных связях отдельных лиц, фамилии которых в словаре стоят рядом. Так, А.А. Хисамутдинов в статье об Элле Мейеровне Люри-Визвелл сообщает, что она дочь рыбопромышленника Мейера Моисеевича Люри, статья о котором помещена здесь же (с. 191).

Иногда в словаре встречаются справки, отнюдь не отягощенные информацией, а потому совершенно лишённые какого бы то ни было смысла. На с. 150: «Касьянов, Дмитрий (?-?) — приемный сын Хорватов».

С другой стороны, бывают статьи, где наличествует избыточная информация, но также не обогащающая читателя новыми сведениями. Так, крайне перегружена фамилиями статья о Нине Всеволодовне Кожевниковой, в замужестве Панченко (с. 159). Среди упомянутых имен есть и такие, о которых в словаре нет отдельных статей (одна из ведущих балерин Елена Былина, танцовщик Н. Светланов, художник М. Алин), хотя обычно о такого рода деятелях искусства в словаре есть статьи. Упомянут еще дирижер А.И. Слуцкий. В словаре есть статья о дирижере Александре Юрьевиче Слуцком (с. 285—286). Можно предположить, что это одно и то же лицо, с учетом опечатки в отчестве в первом случае.

Но все-таки чаще можно встретить статьи с недостаточной, и даже противоречивой информацией. Так, на с. 266: «Сальников Александр Никитич (6.IX.1897., Санкт-Петербург, — 1970) — артист оперы. Жил в Шанхае». Об этом Сальникове есть примечание в книге В. Перелешина: «Александр Никитич Сальников, известный в Шанхае танцовщик, позднее издатель журнала «Уранус». Умер в Рио-де-Жанейро 11 сентября 1972 г. на именинном ужине у другого Александра — А.Б. Кириллова¹¹. В статье о Михаиле Ивановиче Степунине (с. 295) сообщается, что он был арестован по делу Б. Остроумова (1924). Открываем статью о Борисе Васильевиче Остроумове (с. 230) и читаем: «Управляющий КВЖД (2 апреля 1921 — 3 октября 1924)». Ни слова нет об аресте его, а в списке литературы имеется даже статья П. Фиалковского «Лучший управляющий». Если по делу Б.В. Остроумова подвергался аресту М.И. Степунин, то уж наверняка сам управляющий — тем более. И в действительности по этому делу были арестованы не только М.И. Степунин и Б.В. Остроумов, но и Н.Л. Гондатти. Статья: «Фролов Василий Савельевич (?-?) — педагог-словесник. Директор гимназии имени Ф.М. Достоевского» (с. 322). Где и когда это было?

Еще пример. «Миронов Николай Дмитриевич (?-?) — преподаватель. Окончил Страсбургский университет, доктор философии (1903). Магистр по санскритской словесности (1904). Преподаватель юридического факультета (1920 — 1923)». (с. 206—207). А вместе с тем Н.Д. Миронов (1880 — 1936) — личность, хорошо известная в истории отечественного востоковедения. «Миронов был специалистом в той области знания, которая была слабо разработана в Европе и практически полностью не затронута русской наукой: он занимался джайнизмом и джайнской литературой. Труды индолога по так называемому северному буддизму обнаруживают его познания не только в санскритских сочинениях, но также в японской и китайской традициях. Помимо исследований по частным вопросам ему принадлежат большие статьи по Индии, индийской литературе, религии и философии в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. После 1917 г. ученый эмигрировал, в первой половине 20-х годов жил в Китае и Париже, а с 1926 г. и до своей кончины — в Тунисе. Каталоги Миронова, хотя и оставшиеся незавершенными, и поныне являются настольными пособиями для санскритологов¹². Вот вам и преподаватель! В 1926 г. Н.Д. Миронов встречался в Шанхае с приехавшим туда советским синологом В.М. Алексеевым. Определенных уточнений требует статья о художнике Михаиле Александровиче Кичигине (с. 154). Родился он 2 (14) мая 1883 г. в деревне Пальниково Пермской губернии в крестьянской семье. В 1919 г. уже преподавал в училищах сначала Читы, потом Маньчжурии. В 1920 — 1927 гг. работал в художественной студии «Лотос», где вместе с ним преподавали А.Н. Каменский, В.М. Анастасьев, А.А. Бернардаци. Кстати, у них там занималась Вера Емельяновна Кузнецова, с которой он по переезде в Шанхай в 1928 г. вступил в брак. В 1928 — 1947 гг. М.А. Кичигин работал как портретист и пейзажист. С его творчеством на выставках знакомились в Циндао (1929), Шанхае (1930, 1938, 1946), Гуанчжоу (1932), Гонконге (1932), Корее (1932 — 1933), с творческими целями он побывал в Японии. В 1947 г. он с женой вернулся на родину. Один год жил в Нижнем Тагиле, где был принят в члены Союза художников, в 1948 г. переехал в Ярославль, там он преподавал в художественном училище до 1959 г., имел персональные и совместно с В.Е. Кузнецовой-Кичигиной выставки в Ярославле, Москве, Петрозаводске и Курске. Умер М.А. Кичигин 15 ноября 1968 г. в Ярославле.

В статье о владыке Иоанне, в миру Михаиле Борисовиче Максимовиче (с. 140—141) отсутствует важное свидетельство о причислении его Русской зарубежной Православной церковью к лику святых. Странно, что А.А. Хисамудинову не удалось установить время и место рождения владыки Мелетия, в миру Михаила Васильевича Заборовского (с. 201—202) — ведь для этого было достаточно обратиться с запросом в архивы тех городов, где он учился или занимал епископскую кафедру в России. Кстати, важное дополнение: владыка Мелетий был инициатором создания Богословского факультета Института Святого Владимира¹³. Владыка Нестор, в миру Николай Александрович Анисимов (с. 219—220) еще известен тем, что организовал в Харбине Камчатское подворье, Дом милосердия и трудолюбия, сиротские приюты, школу прикладных искусств и ремесел. В 1934 — 1938 гг. состоял почетным председателем Комитета Пакта и Знамени Мира в Харбине. По линии Комитета Пакта Н.К. Рериха здесь также трудились Н.Л. Гондатти и В.К. Рерих, а его представителем в Японии был Георгий

Иванович Чертков (с. 334)¹⁴. В статье об Евгении Александровиче Федорове (с. 318) сказано, что он востоковед и драматический артист, но в списке литературы о нем названо издание: Буяков А.М. *Офицеры-выпускники Восточного института. Годы и судьбы* // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1999. № 5. С. 110—111. Значит, Е.А. Федоров был еще и военным, да не просто военным, а офицером. Кстати, Павел Васильевич Шкуркин (с. 345) потом стал востоковедом и литератором, а первоначально он получил основательное военное образование и почти всю жизнь был военным. А вот Елизавета Николаевна Широкогорова не была востоковедом (с. 344).

Хотелось бы узнать, откуда у А.А. Хисамудинова эти новые сведения. Она, начиная с 1912 г., постоянно сопровождала мужа С.М. Широкогорова (с. 343—344) в его экспедиционных поездках в России и Китае, жила с ним в Шанхае, Амое (Сямыне), Кантоне (Гуанчжоу) и Пекине, где и умерла в 1943 г. Мне также известно, что она прекрасно играла на фортепиано, но о востоковедении в связи с ее именем я услышал впервые и думаю, что это не соответствует действительности. А вот Иван Андреевич Дьяков (с. 116—117) действительно был востоковедом и, вернувшись на родину, в 1957 г. опубликовал в журнале «Советская этнография» воспоминания о своей поездке к народности мяо¹⁵.

Странно, что при написании статей об артистах балета А.А. Хисамудинов не обращался к балетным энциклопедиям. Если бы обратился к энциклопедии «Балет», изданной в Москве в 1981 г., то там нашел бы подробные сведения о Ксении Петровне Маклецовой, включая даты ее жизни. Только в США она работала не в театре «Митрополитен», а в театре «Метрополитен»¹⁶. А.А. Хисамудинов не нашел даты жизни Юрия Граузе: для этого надо было написать письмо в Иерусалимский университет, где в 60—70-е годы он преподавал классический китайский язык, а заодно и дополнить статью другими важными интересными сведениями. Кстати, Юрий Граузе не только перевел Ицзин, но перевел также Даодэцин, составил антологию китайской поэзии танской эпохи «Башня вечности», он автор сборника статей по истории, философии и литературе Китая. А для того чтобы узнать сведения о Леване Хаиндраве, следовало бы написать в Тбилиси, в Союз писателей Грузии, если у автора нет личных знакомых среди грузинской интеллигенции. Да, он не Левон Хаиндров, а Леван Хаиндрава, это известный в Грузии и прежде в Советском Союзе писатель. Умер 28 апреля 1995 г. в Тбилиси.

В словаре А.А. Хисамудинова немало статей, просто не заслуживающих внимания. Вот их образцы на беглый выбор: «Башкировы Александр Федорович (30.VII.1901, ?) и Анна (?-?) — жители Харбина и Шанхая» (с. 49), «Безручко Пантелеймон (?-?) — один из обвиняемых в убийстве Каспе» (с. 49), «Горячкин Ф.Т. (?-?) — житель Харбина, член Российской фашистской партии» (с. 96), «Касьянюк Семен Андреевич (? — 29.III.1927, Харбин) — старожил Харбина (с. 1907). Помощник пристава Старопристанского участка» (с. 150), «Краснопевцев-Волгин Павел Иванович (12.II.1906, Санкт-Петербург —?) — журналист в Шанхае» (с. 171), «Миленко Г.Л. (?-?) — юрист. Присяжный поверенный в Харбине» (с. 205), «Митрофанов А.П. (Алексей Павлович?) — (? — 4.IX.1935, Харбин) — генерал-майор. Жил в Харбине» (с. 207), «Михайлов Георгий Иванович (? — 6.V.1997., Сан-Франциско). Сын И.А. и Марии Алексеевны Михайловых» (с. 208), «Михайлов М.Я. (?-?) — экономист в Харбине» (с. 208), «Северюков А.Ф. (?-?) — педагог, преподаватель русского языка в Харбине» (с. 272), «Шапкин В.В. (?-?) — член Всероссийской фашистской партии» (с. 338). Список таких статей можно продолжать еще долго. О чем свидетельствует этот факт? С моей точки зрения, о полном непонимании специфики такого издания, как словарь, его отличия от обычного списка людей по месту жительства или по профессии, партийной принадлежности. Даже факт случайной трагедии не дает права автору включать на этом основании статью в словарь. На с. 149 А.А. Хисамудинов рассказывает словами справки О.М. Бакич об убийстве в Харбине молодого человека Семена Иосифовича Каспе, музыканта, который приехал, по-видимому, из Парижа в Харбин навестить отца в 1933 г. и был похищен с целью получения выкупа, но в конце концов был убит. История, вне всякого сомнения, печальная, но нужно ли о ней писать в этом словаре? Думаю, что нет. А.А. Хисамудинову личностно С.И. Каспе кажется весьма значительной, что явствует из статьи об Иосифе Александровиче Каспе: «предприниматель.

Владелец ювелирного магазина и гостиницы в Харбине. Отец С.И. Каспе» (с. 149). Каждый раз не перестаешь удивляться и поражаться неразборчивости автора в отборе материала для словаря. На с. 148 читаем: «Караулов Яков Максимович (? — III.1968, Нью-Йорк) — казак. Окончил военное училище. Есаул Оренбургского казачьего войска. Участник гражданской войны в армии атамана А.И. Дутова. Жил в Харбине, затем в Нью-Йорке».

Просматривая газету «Русская жизнь», А.А. Хисамутдинов нашел в номере за 14 мая 1966 г. статью за подписью Н.Б. «Памяти друга» (некролог). Материалы этого некролога автор использовал. Собственно о жизни и деятельности казака Я.М. Караулова в Китае нам из словаря так и не удается узнать, а это значит, что к истории российской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе никаких новых сведений не добавится. И кстати, как же это получается: Я.М. Караулов умер в 1968 г., а некролог датирован 1966 г. Где-то допущена неточность.

В региональных газетах, издаваемых российскими эмигрантами в разных странах, печатается много некрологов, в адрес ушедших говорится и пишется много проникновенных слов. И это прекрасно, что родственники и друзья не забывают тех, кто жил рядом с ними. Но опять повторюсь, не о каждом, даже очень хорошем человеке, следует помещать статью в словаре. Достойным человеком, судя по всему, был спортсмен Георг Бауман (с. 49), но с Китаем его связывает только упоминание, что он скончался в Шанхае в 1933 г. Весьма странной выглядит статья о Юле Бринере: «Бринер Юлий (Юл) Борисович — 11.VI.1920?, Сахалин — 10.X.1985, Нью-Йорк) — американский киноартист. Учился в гимназии в Харбине» (с. 61). Здесь автор что-то недоговаривает из биографии известного артиста, и читателю остается неясным, как все-таки американский киноактер был связан с Китаем.

В некоторых статьях налицо противоречивость сообщаемых им сведений, несмотря на то, что эти сведения расположены чуть ли не на одной и той же строчке. На с. 233 помещена статья о Паркау (в замужестве Нимус) Александре Петровне: «(16.VI.1887, Новочеркасск — 1954, СССР) — журналистка и литератор. Училась в Тбилиси. Из автобиографии: «Родилась я в **Полтаве...**». На с. 323 читаем: «Хаиндрава (в замужестве Серебрякова, псевдоним Олег Южанин), Лидия Юлиановна (Иулиановна) (14.VI.1910, **Одесса** — 19.VI.1986, Краснодар) — поэтесса и журналистка. «Моя родина — **Харбин**, здесь я родилась и выросла...». Все выделения черным принадлежат мне. Я их сделал сознательно, чтобы спросить Амира Александровича: кому я должен верить? Где же родилась А.П. Паркау: в Новороссийске, как утверждает он, или же в Полтаве, как написала она в своей автобиографии? Где родилась Л.Ю. Хаиндрава: в Одессе, как сообщает автор, или в Харбине, как признает в своей автобиографии сама поэтесса и журналистка? Читатель явно растерян: кому же верить?

Приступая к работе, автор, видимо, не разработал четкую структуру, не выработал необходимой терминологии. В статье о Михаиле Константиновиче Дидерихсе (с. 109) вдруг приведены сведения о жене и дочери, в то время как в других случаях сведения о семье отсутствуют. Я не возражаю против любого варианта, для меня предпочтительнее вариант с М.К. Дидерихсом, но в словаре должно быть единообразие. А.А. Хисамутдинову, вероятно, нравится термин «деятель гражданской войны». У него даже Дмитрий Леонидович Хорват, управляющий Среднеазиатской, а потом Китайско-Восточной железной дороги, тоже деятель гражданской войны. Не имея четкого плана, автор нередко прибегает к цитированию больших отрывков мемуаров, что далеко не всегда полно раскрывает значение личности. Порой А.А. Хисамутдинов допускает категорические, а по существу, неверные утверждения. Так, в статье о владыке Викторе (с. 73) он утверждает, что владыка «упразднил Миссию», что не соответствует истине.

Словарь заявлен как библиографический, но в большинстве статей он не отвечает соответствующим требованиям. Как правило, вообще отсутствуют списки даже основных работ того или иного автора (см., например, статьи о Н.Д. Миронове, Н.А. Невском, В.С. Таскине, Л.И. Хаиндрове и др.) или они даются крайне неполно (например, в случае с С.М. Широкогоровым).

Конечно, хорошо, что автор имел возможность длительное время работать в различных зарубежных центрах, знакомиться с зарубежной эмигрантской прессой. Он пользуется помощью крупного библиографа П. Полянки (Гавайский университет) и известного исследователя российской эмиграции О.М. Бакич (Канада). Из зарубеж-

ных изданий автор мало использовал «Новый журнал» (Нью-Йорк). Что же касается отечественной литературы и архивов, то здесь автору нечем похвалиться.

Конечно, в каждой работе возможны и даже неизбежны ошибки и лакуны, но когда они достигают такого размера, это уже ставит под сомнение ценность самого издания.

Биобиблиографический словарь должен явиться плодом длительной исследовательской работы. В данном случае исследовательский момент минимален. В словаре столько неточностей и ошибок, что начинаешь не доверять автору и изданию в целом. Рассматриваемый словарь, с моей точки зрения, не отражает реального положения в российской эмиграции региона.

При немалом разгуле свободы печати у нас теперь порой издаются работы, недостойные внимания широкого читателя. Но одно дело, когда та или иная книга издается под ответственность автора, а другое — когда солидное научное учреждение дает ей свой гриф. Я придерживаюсь самого высокого мнения о профессиональном уровне владивостокских историков и уверен, что если бы они внимательно и взыскательно прочитали в рукописи текст этого словаря, то наверняка высказали бы свои критические замечания автору. Уверен, что сотрудники исторического и филологического факультетов Дальневосточного государственного университета знают, как надо готовить и издавать такие словари. И невольно возникает недоуменный вопрос: как мог университет дать зеленый свет на публикацию сырой работы. Издание словаря осуществлено бесконтрольно: нет рецензентов, ответственного редактора, рекомендации ученого совета. Такое отношение университета в данном случае представляется довольно легкомысленным. Не так часто издаются у нас словари, а потому к их изданию должен быть ответственный подход.

А. М. Решетов,

кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

- ¹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период). 2-е изд., перераб. М., 1989; Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. в 2-х кн. М., 1995; Профессора Томского университета. Биобиблиографический словарь. Вып. 1. 1888—1917. Томск, 1996; Т. 2. 1917 — 1945. Томск, 1998; Профессора Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена в XX в.: Биограф. справочник. СПб., 2000.
- ² В качестве примера могу привести International Dictionary of Anthropologists. Compiled by Library — Anthropology Resource Group. General Editor Christopher Winters. Garland Publishing, New York and London, 1991. Это колоссальное издание предпринято при широком участии ученых разных стран и содержит обильный справочный материал о наиболее крупных этнографрах и антропологах мира.
- ³ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 967.
- ⁴ Пазовский А.М. Записки дирижера. М., 1966. С. 14.
- ⁵ Лемешев С.Я. Музыкальная энциклопедия. М., 1976. С. 226.
- ⁶ Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 162, 178—179.
- ⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 207. Л. 1—2.
- ⁸ Landrum Leslie R. The Life and Botanical Accomplishment of Boris Alexander Krukoff (1898 — 1983) // *Advancies in Economic Botany*. 1986. № 2. P. 1—96.
- ⁹ Фоминых С.Ф. Рязановский Валентин Александрович // Профессора Томского университета: Биограф. словарь. Т. 2. 1917 — 1945. Томск, 1998. С. 381—383.
- ¹⁰ Lensen G. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. A Handbook of the Representatives of Tsarist Russia and the Provisional Government in China? Japan and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet Representatives in Japan from 1925 till 1968. Publ. By Sophia University. Tokyo in Cooperation with the Diplomatic Press. Tallahassee, Florida, 1967. 294 p.
- ¹¹ Перелешин В. Поэма без предмета. Холмск, 1989. С. 180, 205.
- ¹² История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 425 — 426.
- ¹³ Ариаварта. 1999. № 3. С. 117.
- ¹⁴ Там же. С. 115.
- ¹⁵ Дьяков И.А. Поездка к чуань-мяо: (воспоминания русского востоковеда) // Сов. этнография. 1957. № 3. С. 118—127.
- ¹⁶ Ступников И.В. Маклецова Ксения Петровна // Энциклопедия. М., 1981. С. 329.